

УДК 811.111+81'25+801.73

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ: «ОДОМАШНИВАНИЕ» VS «ОСТРАНЕНИЕ»

И.А. Самохина

Тверской государственный университет, Тверь

В статье предпринимается попытка анализа факторов, влияющих на выбор стратегии при трансляции культурно-исторических реалий на язык принимающей культуры либо в пользу этой культуры («одомашнивание»), либо в пользу культуры оригинала («остранение»). С позиций филологической герменевтики культурные реалии рассматриваются как элементы, функциональные значимые для освоения содержательности текста.

Ключевые слова: культурно-исторические реалии, адаптация в переводе, одомашнивание, остранение, герменевтика.

Несмотря на то, что переводческая деятельность существует столько же, сколько и само человечество, теория перевода как научная дисциплина, по мнению большинства исследователей (С. Басснетт, Дж. Мандей, Ю. Найда, Л. Венути, Л.К. Латышев, В.Н. Комиссаров и др.) окончательно обрела свой статус в конце 70–80-х гг. прошлого столетия. Интерес к практике перевода возник ещё во времена Горация и Цицерона (примерно I в. до н.э.), а также Св. Иеронима (IV в. н.э.). Именно в этот период начинает активно обсуждаться проблема выбора переводческой стратегии. Иными словами возникает проблема буквального (word-for-word), вольного (sense-for-sense) и верного (faithful) перевода [9, с. 19].

С появлением контрастивной лингвистики в практику перевода стал широко внедряться метод сравнительного анализа. При этом перевод в основном служил вспомогательным средством изучения иностранных языков. Тем не менее, начиная с этого времени, наука о переводе трактуется как лингвистическая дисциплина до 1960–1970-х гг. (Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда и др.). Исследуются социокультурный, коммуникативный, семиотический, прагматический, литературоведческий и другие аспекты перевода, которые со временем переросли в самостоятельные подходы к переводческой деятельности. В 1950–1970-х гг. на передний план выступает проблема значения и эквивалентности, которая нашла подробное освещение в работе Р.О. Якобсона, послужив толчком для дальнейших споров, обсуждений и исследований по данной проблеме [7]. В 1990-х гг. «бум» переводческих исследований привёл к тому, что сам перевод получил признание как один из важнейших фундаментальных актов взаимодействия людей.

Несмотря на наличие в современном переводоведении различных методов исследования перевода и подходов к нему, сегодня в центре внимания оказываются культурные аспекты перевода, контексты, в рамках которых он осуществляется. Подчёркивается роль перевода как средства интерлингвистической и кросс-культурной коммуникации. В качестве основных причин возросшего интереса исследователи отмечают, с одной стороны, процессы глобализации, которые выявили проблемные области межкультурного общения, требующие анализа и разработки, а с другой стороны – интенсивные исследования по вопросам этнической и культурной идентичности [8, с. 1].

Современные исследователи фокусируют внимание на двух стратегиях перевода текста – «одомашнивание» (domesticating approach) и «остранение» (foreignizing approach) перевода. Выбор стратегии тесно связан с ролью субъекта переводческой деятельности и способами передачи из языка-источника (далее – ИЯ) на язык перевода (далее – ПЯ) безэквивалентной лексики, в частности, культурно-исторических реалий текста оригинала. По мнению исследователей, решение о применении той или иной стратегии также определяется и экстралингвистическими факторами: культурными, экономическими, политическими и социальными [12, с. 240].

Стратегия «одомашнивания», ориентируясь на принимающую культуру, стремится к адаптации оригинала к своим канонам, максимально возможно приближая, по словам Ф. Шлеермахера, автора к читателю [5, с. 133]. Ярким примером такой адаптации к принимающей культуре является перевод Библии Мартином Лютером на немецкий язык:

«Если бы мне пришлось слушаться этих ослов, они поставили бы меня перед необходимостью переводить буквально: “От избытка сердца говорят уста”. Ну, скажите мне, разве так по-немецки говорят? Какой немец это поймет? ... Мать в своём доме и крестьянин скажут так: “Что на уме, то и на языке” (Wes das Herz voll ist, des geht der Mund über)» [6, с. 205].

Положительным свойством стратегии «одомашнивания» является доступность текста перевода для читателя культуры назначения. Однако нельзя не согласиться с У. Эко в том, что в случае полного «одомашнивания» текста перевода «все лингвистические и культурные проблемы, поставленные оригиналом, утрачивают свое значение» [6, с. 204], поскольку переводчики зачастую недооценивают функцию перевода в принимающей культуре.

Некоторые сторонники стратегии «одомашнивания» текста рассматривают результат переводческой деятельности в зависимости от норм и условий, принятых в обществе ИЯ, от наличия «определённого социального заказа» [2, с. 6] Такая характеристика переводческой дея-

тельности абсолютно исключает какой-либо выбор переводчика – он безоговорочно подчиняется социальным нормам.

«Продукт переводческой деятельности создаётся не под влиянием личных потребностей переводчика, а в соответствии с требованиями к этому продукту, которые относительно однообразны, устойчивы и носят социальный характер» [там же].

Переводчик не в силах влиять на результат перевода – он определён нормами общества. Вопрос о выборе стратегии не ставится: текст перевода не должен содержать иностранных элементов, хотя и в разумных пределах, и говорить о своём «иностранном происхождении» [3, с. 16]. Такая позиция представляется не вполне правомерной в применении к художественным текстам, поскольку, написанные на языке исходной культуры, они содержат в себе большое количество безэквивалентных элементов (например, уникальных культурно-исторических реалий). Последние имеют существенное значение для освоения содержательности такого текста с герменевтических позиций и, соответственно, требуют особого отношения при выборе стратегии их трансляции на язык принимающей культуры.

Стратегия «остранения», напротив, ориентируется на язык исходной культуры и текст оригинала, или приближает читателя к автору [5, с. 133]. Некоторые исследователи утверждают, что стратегия «остранения» более предпочтительна, поскольку делает видимым присутствие переводчика и подчеркивает иностранное происхождение текста оригинала, тем самым отсылая читателя в мир исходной культуры [13, с. 20]. Такой подход к переводу помогает читателю увидеть «описываемый предмет в непривычном ракурсе, в новом свете, чтобы понять этот предмет лучше, чем у него получалось до сих пор» [6, с. 207]. К несомненным плюсам этой стратегии также относится возможность обогащения ПЯ новыми лексическими единицами за счёт текста-источника. Как правило, при трансляции безэквивалентной лексики, словарное значение которой по природе своей является непереводимым, переводчик сталкивается с двумя трудностями:

«1) отсутствие в ПЯ соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта) и 2) необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) — её национальную и историческую окраску» [1, с. 80].

К этому списку следует добавить как минимум ещё одну трудность, связанную с передачей культурно-исторических реалий в ПЯ. Она состоит в адекватном определении функции реалии в системе содержания и в его смыслообразовании, а также в сохранении этой функции при переводе текста.

Реалии, как правило, передаются двумя основными способами – транскрипцией и собственно переводом. Транскрипционный способ предполагает механический перенос реалии в текст ПЯ графическими средствами, а перевод сопряжён с введением неологизма в виде кальки или полукальки, переводческого комментария, гипо-гиперонимических замен, функциональных аналогов и т.п. Сущность этих двух способов может быть определена следующим образом: «1) перевод стремится “чужое” максимально сделать “своим”; 2) транскрипция стремится сохранить “чужое” через средства “своего”» [цит. раб., с. 87]. Здесь налицо известный парадокс: в словарном аспекте реалия неперевода, так как она принадлежит к чужой культуре, однако её передача возможна либо с помощью перевода, стремящегося освоить эту реалию и максимально «одомашнить» её, либо с помощью механического переноса, работающего на «остранение» перевода с сохранением этой реалии в максимально близкой к оригиналу фонетической форме.

Такие типичные способы трансляции культурно-исторических реалий очень часто встречаются в переводческой практике и многократно описаны. Так, болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин, приводя пример передачи слов «боржом» и «нарзан» на болгарский язык (при переводе произведений И. Парнова «Ларец Марии Медичи» и рассказов М. Зошенко), указывают, что решение переводчиков заменить оба слова в переводах данных произведений на словосочетание «минеральная вода», используя способ гиперонимической замены, оправданно, так как в данном контексте для читателя разница совершенно нечувствительна [цит. раб., с. 91]. Такой вывод может быть поставлен под сомнение, поскольку предварительного герменевтического анализа роли указанных реалий в структурах содержаний и смыслов оригиналов переводимых художественных текстов не проводилось.

Отдельного внимания заслуживают смешанные случаи трансляции культурно-исторических реалий на язык принимающей культуры, когда переводчик использует сразу несколько способов их передачи. Иногда результат бывает довольно неудачным. Например, переводчик, пытаясь «одомашнить» реалию, «остраняет» её, а нередко и снимает в переводе её смыслообразующую функцию и возможность рефлексии. В качестве примера такой передачи культурно-исторической реалии приведем авторский перевод фразеологизма «Bronx cheer» из одиннадцатой главы первой части романа «Лолита» В.В. Набокова.

Оригинал: «...We sat on cushions heaped on the floor, and L. was between the woman and me (she had squeezed herself in, the pet)... But I knew it was all hopeless, and was sick with longing, and my clothes felt miserably tight, and I was almost glad when her mother's quiet voice announced in the dark: "And now we all think that Lo should go to bed." "I think you stink," said Lo. "Which means there will be no picnic tomorrow," said Haze. "This is a free country," said

Lo. When angry Lo with *a Bronx cheer* had gone, I stayed on from sheer inertia, while Haze smoked her tenth cigarette of the evening and complained of Lo» [10, с. 46]. Русский авторский перевод: «Мы сидели на подушках, положенных на пол; Ло была между мадам и мной (сама втиснулась — зверёныш мой)... Но я знал, что всё безнадежно. Меня мучило от вожделения, я страдал от тесноты одежд, и был даже рад, когда спокойный голос матери объявил в темноте: «А теперь мы считаем, что Ло пора идти спать». «А я считаю, что вы свинюги», сказала Ло. «Отлично, значит завтра не будет пикника», сказала Гейзиха. «Мы живём в свободной стране», сказала Ло. После того что сердитая Ло, испустив так называемое «Бронксовое ура» (*толстый звук тошного отвращения*), удалилась, я по инерции продолжал пребывать на веранде, между тем как Гейзиха выкуривала десятую за вечер папиросу и жаловалась на Ло» [4, с. 62].

В. Набоков использовал сразу два способа при трансляции данного фразеологизма на русский язык: комментарий в тексте перевода и частичное калькирование. При интерпретации данной дроби текста нами был усмотрен метасмысл «соперничество матери и дочери». Это соперничество, в котором Ло выходит победительницей, несмотря на то, что мать, пользуясь положением родительницы, пытается сохранить своё преимущество в попытке завоевать Гумберта и отправляет её спать, при этом подчеркивая, что так считают они оба – и она, и Гумберт. «Bronx cheer» в этой дроби текста является одним из смыслообразующих средств оригинала художественного текста, выводящих на метасмысл «соперничество». «Bronx cheer» – это громкий и грубый звук, издаваемый в знак презрения, как правило, направленный в сторону команды соперников в бейсболе и др. командных видах спорта [14].

Похожее действие – обычно ещё и сопровождающееся закатыванием глаз – используется русскими людьми для выражения этой же эмоции – презрения, хотя конкретного названия этой выходки именно для русской культуры нет, и обычно её описывают с помощью соответствующего глагола (*фыркать*) или более грубыми междометиями. Но Набоков отказывается от любого из этих вариантов, делая выбор в пользу прямого перевода выражения «Bronx Cheer» и давая в скобках пояснение его значения: «(толстый звук тошного отвращения)». Кроме того, автор буквально перевел на русский язык слово *thick*, в то время как использование этого слова именно в таком контексте – для описания звука – абсолютно не характерно для русского языка. В русском языке звук может быть описан как «громкий», «хриплый», но не «толстый». Для русского читателя, таким образом, фраза прозвучит, по крайней мере странно, и конечно, природа звука останется непонятной. Более того, использование слова *ура* в данном контексте приводит читателя в недоумение, так как для русского мышления «ура» – это очень громкий, победный возглас. Пояснение Набокова тоже не проясняет природу звука (разве что искушённый читатель догадается посмотреть значение этого

выражения в словаре-тезаурусе английского языка). Таким образом, следует признать, что в данной дроби текста автопереводчику Набокову удалось лишь «остранить» реалию, пытаясь её «одомашнить», при этом смыслообразующая функция этой реалии в переводе текста на языке принимающей культуры была утеряна.

Выбор стратегии перевода зависит не только от решения субъекта переводческой деятельности и от экстралингвистических факторов, но и от типа переводимого текста. Тексты формального характера, например военные, юридические, научно-технические, могут подвергаться полной адаптации к принимающей культуре практически без потери содержания в силу наличия определённых конвенциональных отношений между разными культурами в этих областях человеческой деятельности. Кроме того, подобные тексты типично содержат в себе универсальные термины, присутствующие в каждой культуре. Сложнее обстоит дело с публицистическими текстами, которые могут содержать в себе авторскую интенцию, предполагающую усиленное внимание переводчика при трансляции текста на язык принимающей культуры. Что касается художественного текста, то, являясь уникальным объектом переводческой деятельности и носителем эстетической функции, он обладает сложной системой содержания и смыслов и требует особого подхода.

Таким образом, при выборе стратегии перевода безэквивалентной лексики, в частности стратегии перевода культурных реалий, необходимо учитывать следующие факторы: 1) решение самого переводчика; 2) экстралингвистические факторы: экономические, политические и социальные нормы принимающей культуры; 3) тип переводимого текста; 4) функциональные особенности культурно-исторических реалий в переводимом тексте с позиций филологической герменевтики.

Учет данных факторов позволяет перейти от описательного подхода к решению рассматриваемой в статье проблемы к конструктивной оптимизации способов перевода культурно-исторических реалий.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе [Текст] / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 352 с.
2. Латышев Л. К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания [Текст] : учебник / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – 2-е изд., стер. –М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.
3. Латышев Л.К. Технология перевода [Текст] : учеб. пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.) / Л.К. Латышев. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
4. Набоков В. Лолита [Текст] / В. Набоков / пер. с англ. В.В. Набокова. – Ростов-на-Дону. : Феникс, 2000. – 448 с.

5. Шлейермахер, Ф. О разных методах перевода [Текст] / Ф. Шлейермахер // Вестник Московского университета. – Сер. 9, Филология. – 2000. – № 2. – С. 127–145.
6. Эко У. Опыты о переводе. Сказать почти то же самое [Текст] / У. Эко / пер. с итал. А. Н. Ковалю. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.
7. Якобсон Р. О лингвистических аспектах теории перевода [Текст] / Р. Якобсон // Лингвистические аспекты перевода : хрестоматия / сост. С.Т. Золян, К.Ш. Абрамян / Ерев. гос. лингв. ун-т им. В.Я. Брюсова ; – Ереван : Лингва, 2007. – С. 32–41.
8. Bassnett, S. Translation Studies [Текст] / S. Bassnett. – 3-d ed. – London; New York: Routledge, 2002. – 192 p.
9. Munday, J. Introducing Translation Studies. Theories and Applications [Текст] / J. Munday. – London; New York: Routledge, 2001. – 222 p.
10. Nabokov, V. The Annotated Lolita [Текст] / V. Nabokov. – London: Penguin Books, 2000. – 472 p.
11. Oxford Advanced Learner's Compass. 2005 [Электронный ресурс] – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: Windows; Pentium IV 3,5 ГГц; 128 Мб ОЗУ.
12. Venuti, L. Strategies of Translation [Текст] / L. Venuti // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / ed. by Mona Baker. – London; New York: Routledge, 2005. – Pp. 240–244.
13. Venuti, L. The Translator's Invisibility : A History of Translation [Текст] / L. Venuti. – London; New York: Routledge, 1995. – 353 p.

STRATEGIES OF CULTURE- SPECIFIC REALIA TRANSLATION: DOMESTICATING VS FOREIGNIZING

I.A. Samokhina

Tver State University, Tver

The article is focused on the factors determining the choice of translation strategy for translation of culture-specific realia from source into target language (domesticating or foreignizing). Culture-specific realia as important functional source-text elements are discussed (in hermeneutic approach).

Keywords: *culture-specific realia, adaptation in translation, domesticating, foreignizing, hermeneutics.*

Об авторе:

САМОХИНА Ирина Анатольевна – аспирант кафедры английской филологии Тверского государственного университета,
e-mail: irina.samokhina@gmail.com